

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов III (XVII)
Международной конференции молодых ученых
(18—23 апреля 2016 г.)

Выпуск 17

Издательство Томского университета
2016

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКИ

Березняцкая А. С.

ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕВРОПЕЕЦ» (1998—...)

Предметом исследования являются способы вербального конструирования образа России в русской прозе зарубежья в период с 1998 по 2010 год. Результатом исследования является определение места образа России в имагологической системе прозы русского зарубежья, а также характеристика специфики его осмысления и репрезентации.

Ключевые слова: русское зарубежье, имагология, образ России, литературный европеец.

Литература русского зарубежья, сформированная на периферии двух стран, культур и зачастую языков, обособляется от корпуса национальной литературы и представляет интерес для исследователей как особый феномен. Эмигрантский художественный текст отличается стремлением к самоутверждению и самоидентификации. Сам факт творчества представляет собой процесс поиска своей самости, самоопределения между оппозицией «свой» — «чужой».

Германия является одной из стран, где представители русского зарубежья сформировали свою издательскую традицию. Так, первым русскоязычным периодическим изданием становится литературный журнал «Грани» (1946). 90-е годы XX века стали временем активного развития печатной деятельности русской эмиграции за рубежом. В этот период в Германии начинают функционировать сразу десять новых журналов, одним из которых является толстый литературный журнал «Литературный европеец» (1998 — ...).

Данное издание заслуживает специального внимания, так как не только отражает мировоззрение русской эмиграции на рубеже веков,

но и является основным изданием Союза русских писателей, функционирующим на протяжении почти трех десятилетий.

Примечательным является специфическая политика журнала, обозначенная в первом выпуске. Так, одной из своих первостепенных задач редакция объявляет *«сохранение русского языка, наследия русской зарубежной литературы, развитие литературных традиций эмиграции, противостояние негативным тенденциям новой, подконтрольной властям российской литературы»*¹. Подобная политика издания определяет специфику системы образов не только отдельного автора, но и всего журнала. В связи с этим релевантным представляется имагологический подход к исследованию, позволяющий определить авторские методы создания системы образов России. Корпус анализируемого материала представляет собой 35 произведений, опубликованных с 1998 по 2010 год, таких авторов, как И. Иохвидович, Г. Кисель, Н. Кунина, Н. Стремитина и др.

В анализируемых произведениях Россия предстает в нескольких ипостасях: а) как часть хронотопа (когда события происходят в России); б) как пространство, существующее в воспоминаниях (действие происходит, как правило, в Германии); в) как параллельное пространство (герои находятся в разных странах). В зависимости от ракурса описания России (извне/ внутри) меняются и основные мотивы произведений. Так, если лирический герой находится вне пространства страны, ключевой идеей становится его самоидентификация, поиск своего места в новом культурном контексте. В то же время в рассказах, где Россия представляется актуальным хронотопом, основным мотивом становится несвобода. Героями таких произведений, как правило, становятся пожилые люди, которым чужды перемены и для которых прошлое представляет особую ценность. Молодой человек как воплощение свободы, саморазвития не мыслится в пространстве России.

Кроме того, хронотоп представляется ключевым компонентом в формировании сюжетной линии. Концовки рассказов, действие которых происходит вне пространства России, являются открытыми. Персонажи подобных произведений находятся на середине своего пути-поиска («Автоматы из России» Н. Кунина, «Записки фригидной женщины» Н. Стремитина, «Транзит» И. Иохвидович, «Танцы на мокром асфальте» Е. Ужегова, «Когда... свобода...свобода... Когда?» Н. Беттгер). Однако сюжетная линия, связанная с Россией, как правило, заканчивается гибелью главного героя («Квартира», «Судный день» И. Иохвидович, «Поселенка», «Исповедь» Г. Кисель, «Грех» С. Майнаева), где смерть становится альтернативным способом ухода от экзистенциальных проблем.

Россия предстает страной, в которой человек беззащитен, а закон не подчиняется логике, например: *«Они с Лизой жили в Германии уже почти два года, но до сих пор не забыли, как в дни противогорбачевского путча у них в Москве ограбили квартиру и угнали машину»*². Героиня романа Н. Стремитиной, уезжая в Германию, говорит: *«На этот раз это был страх остаться в стране, где тебя могут «взять» просто так ни за что, только потому, что твой муж решил из нищего ученого превратиться в богатого бизнесмена, где тебя могли обвинить во всех смертных грехах, оклеветать и заставить подписать любую клевету на других»*³. Россия предстает тюрьмой, местом, из которого люди не уезжают, но бегут от закона, от власти, от людей, которые ей подчиняются, от образа жизни.

Некую модель постсоветской России создает Н. Кунина в повести «Автоматы из России», по сюжету которой супружеская пара, эмигрировавшая в Германию, едет в Россию, чтобы закупить автоматы по производству пельменей. Повесть строится на приеме абсурда, с помощью которого автор изображает характер событий в стране и в российском обществе в постсоветское время. Значимой становится сцена, когда на фабрике по изготовлению пельменей прорывает канализацию. *«Ты смотри, опять дерьмо течет, — весело заорали женщины, но никто не прекратил работу. Их резиновые сапоги уже утопали в зловонной жиже, а синие от холода руки в рваных перчатках, продолжали сортировать пельмени»*⁴. Писательница обращает политическую и экономическую ситуацию в стране в метафору. Женщины становятся воплощением российского общества, которое, несмотря на то, что осознает критичное положение страны, продолжает работать, не оставляя оптимизма. Сцена является ключевой, так как олицетворяет собой осознание героями границы между «своим» и «чужим». Женщины на заводе насмеяются над теми, кто остался вне потопа. Они и главные герои рассказа противопоставляются друг другу вербально и пространственно: *«Тошнотворный запах заполнил цех. Фирмачи, как ошпаренные, побежали прочь, мечтая только о том, чтобы оказаться на чистом германском асфальте»*⁵.

Таким образом, в женской прозе журнала «Литературный европеец» формируется негативный образ России, включающий осмысление не только политического строя страны, но и российского общества как такового. Формирование подобной имагологической модели осуществляется во многом за счет противо-/сопоставления России и Германии.

Примечания

1. Батшев В. С. Союз писателей есть! // Литературный европеец. — Франкфурт-на-Майне: Лит. Европеец, 1998. — № 1. — С. 3.

2. Кунина Н. Автоматы из России // Литературный европеец.— Франкфурт-на-Майне: Лит. Европеец, 2001.— № 41.— С. 22.
3. Стремитина Н. Записки фригидной женщины // Литературный европеец.— Франкфурт-на-Майне: Лит. Европеец, 2001.— № 44.— С. 9.
4. Кунина Н. Автоматы из России.— С. 24.
5. Там же.— С. 22.

Дубовенко К. И.

НЕМЕЦКИЕ АВТОРЫ ЭПОХИ ДУХОВНОГО БИДЕРМАЙЕРА В КРУГЕ ЧТЕНИЯ В.А. ЖУКОВСКОГО

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МД-4756.2016.6).

В статье вводится принятый в зарубежной гуманитаристике концепт духовного бидермайера, который не получил методологической реализации в отечественной науке о литературе. Представлены результаты исследования изданий авторов немецкого духовного бидермайера, находящихся в личной библиотеке В.А. Жуковского, проанализированы пометы, сделанные рукой поэта и его супруги Е. Жуковской.

Ключевые слова: немецкий духовный бидермайер, В.А. Жуковский, личная библиотека Жуковского, М. Дипенброк, Г. Шваб, К. Шпитта.

Согласно верному замечанию Н.Л. Вершининой, бидермайер в русской культуре представляет собой явление далеко не изученное, лишь отмеченное на уровне постановки научной проблемы¹. Традиционно принято считать, что бидермайер — это некий переходный период «между романтизмом и реализмом», характеризующийся погружением в сферу частного: семейный очаг, круг друзей; культурный и литературный феномен, которому присуще «укрошение» и одомашнивание романтических идеалов: вместо абсолютной любви — любовь семейная, вместо одолеваемой страстями личности — человек, живущий согласно законам справедливости; и в целом, по выражению В.С. Турчина, «мещанская редакция романтизма»². Однако большинство немецких исследователей принципиально отказываются от столь узкого понимания, настаивая на том, что основание, на котором покоится эпоха бидермайера, социально гораздо шире и в философско-эстетическом отношении значительно глубже, чем даже в античной классике и романтизме, что никак не позволяет уложить это течение в тесные «промежуточные» рамки. Становление бидермайера как направления внутри эпохи Реставрации начинается еще в XVIII столетии. Его близость